

УДК 340.15

ВОСТРИКОВ Павел Петрович — кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой теории государства и права и сравнительного правоведения Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46; pavel_urr@mail.ru)

КОРОЛЕВ Борис Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (603017, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 17а; korolev-boris@yandex.ru)

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ГРАМОТ В РЕАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В XV–XVII вв.

Аннотация. Статья посвящена историческому опыту процессуального оформления судебных решений, направленных на борьбу с преступностью. Усиление власти монарха, усложнение общественных отношений, закрепощение крестьян привели к росту преступности. Особое значение приобрели судебные разбирательства и их документальное оформление. Это способствовало появлению разнообразных правоустанавливающих и правоприменительных грамот. Посредством судебного разбирательства государственные органы защищали интересы имущих категорий населения. В статье рассматривается процесс документального закрепления решений суда в рамках борьбы властных органов с преступностью. Авторы показывают особенности составления судебных грамот в рамках двух форм судебного процесса; характеризуют правовые основания предоставления различных материальных и процессуальных прав для разных субъектов правоотношений посредством судебных грамот. Данный вопрос не потерял своей актуальности и в настоящее время. Статья представляет интерес для историков права, юристов, преподавателей и студентов.

Ключевые слова: суд, розыск, судебная грамота, срок явки, судебное решение, судебный процесс, доказательство

В условиях формирования единого Российского государства, перехода к сословно-представительной, а впоследствии — к абсолютной, самодержавной монархии, становления крепостнических отношений и прикрепления зависимых категорий населения к земле и личности землевладельца-собственника существенное значение приобрели судебные разбирательства и их документальное оформление. Посредством судебного разбирательства защищались интересы имущих категорий населения, владевших или распоряжавшихся имуществом, в первую очередь землей (правитель, духовенство, боярство, дворянство). Судебные функции осуществляли административные органы — от правителя и его заместителей до органов местного управления и общины. Основными источниками права в указанный период являлись Судебники 1497 г. и 1550 г., Соборное уложение 1649 г., обеспечивавшие материальную и процессуальную стороны реализации прав имущих слоев населения посредством суда. Однако параллельно с данными памятниками права действовали отдельные грамоты, которые регулировали общественные отношения. Например, параллельно с Судебником 1550 г. действовали нормы Уставной книги разбойного приказа как особое уголовное уложение 1555 г. с дополнениями 1617 г., 1624–1631 гг.; в дополнение к Соборному уложению 1649 г. действовали Новоуказные статьи о разбойных и убийственных делах 1669 г. как уголовный кодекс, превышающий своей полнотой уголовную часть Уложения¹ [Владимирский-Буданов 2005: 272–273].

¹ Российское законодательство X – XX вв. В 9 томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература. 1986. С. 80.

Грамоты определяли субъектов правоотношений, объекты судебных разбирательств, процедуру реализации права на защиту интересов в суде. Они содержали как материальные, так и процессуальные нормы права; содержательно различались по субъекту; разделялись по характеру права, предоставляемого субъекту; носили правоустанавливающий и правоприменительный характер, причем первые носили самостоятельный характер, а вторые были введены Судебниками и Уложением.

В качестве первой группы укажем жалованные грамоты – это привилегии, или частные законы. Эта форма закона стала особенно развиваться в Московском государстве, когда власть была сосредоточена в руках великого князя как единственного творца правовых норм. Число жалованных грамот было велико, и виды их разнообразны (до 230 изданных грамот). Большая часть их давалась монастырям, меньшая – светским лицам. По источнику пожалования грамоты подразделялись на исходящие от великого князя и от церковных властей.

Под названием «жалованные грамоты» подразумевались три вида грамот как актов правительственной деятельности.

1. Жалованные в узком смысле, т.е. дарственные акты на имущество от государства частным лицам (пожалование недвижимого имущества, подтверждение сделок на недвижимое имущество между частными лицами, между последними и князем).

2. Льготные (иммунитеты), т.е. содержащие в себе освобождение от местного суда и налогов (обычно владельцу вручался суд, кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным). Грамоты, содержавшие полное освобождение, именовались тарханнами. Тарханские грамоты заменяли местный суд на государев. Они содержали изъятия из общих норм, т.е. общим правом признавалось то, от чего освобождался получатель грамоты. Исследователь М.Ф. Владимирский-Буданов подчеркивал, что при огромном числе пожалований (иммунитеты, привилегии) частный закон мог обратиться в общий, исключение – в общее правило, т.е. права лиц высшего класса общества могли превратиться из частных привилегий в общесословное право, а затем – в общий закон. Однако этого не случилось, т.к. привилегии не были многочисленными, их содержание не было однообразным, они ничем не гарантировались [Владимирский-Буданов 2005: 260]. Выдача новых тарханских грамот царским Судебником 1550 г. отменялась, а прежние – отбирались. Исследователь И.Д. Беляев обращал внимание на тот факт, что, несмотря на их отмену царем Иваном IV, о них говорится и в Уложении Алексея Михайловича [Беляев 2011: 659].

3. Охранительные (заповедные или указные) – акты, утверждающие общую законодательную норму в применении к частному случаю и лицу. Грамоты не устанавливали, а подтверждали общие нормы, содержали наказания за их нарушение; сами нормы имели силу обычного права или были пожалованы (каждому принадлежало право иска и назначения срока явки в суд против разбойников, воров и грабителей, но это право специально утверждалось особой грамотой за известным лицом). Такие грамоты Владимирский-Буданов относил не к законам, а к распоряжениям. Подобное же значение для источников права имели и судебные приговоры князей (правые грамоты) как подтверждавшие по частному случаю общую норму, т.к. в Московском государстве и законодательная, и судебная власти сливались в лице великого князя, царя [Владимирский-Буданов 2005: 257–259]. Важный вид подобных «заповедей» относился к запрету незаконных деяний и превышения власти со стороны наместников и их людей.

Уставными грамотами назывались акты, определявшие местное управление той или другой области. Это грамоты наместничьего управления, губные грамоты и уставные земские. Уставными наместничьими грамотами определялись

отношения наместника или волостеля и жителей уезда или волости, управляемых ими (например, Двинская 1397 г. и Белозерская 1488 г.). Уставная грамота – не наказ, определявший обязанности правителя, а пожалование прав населению провинции. В них безграничная государственная власть в лице наместника ставилась в определенные рамки: определялось не то, что он должен делать, а то, чего он не должен делать. Это, однако, не привилегия, в ней содержались не исключения из общих норм, а местное применение их; это закон местный, а не частный. В них определялись корм наместника, судебные пошлины и уголовные штрафы в его пользу, пошлины за вызов к суду и от ареста обвиняемого; отношение судебной власти наместника к суду центральному (никто не мог вызвать провинциала в Москву помимо местного правителя, но на неправый суд и незаконные действия самого наместника жители имели право жалобы великому князю); воспрещались незаконные действия со стороны слуг наместника; содержались нормы материального уголовного права в связи с правами наместника на уголовный суд и пошлины. В Московском царстве из местных уставных грамот выработался потом общий закон, а именно Судебник 1497 г. [Владимирский-Буданов 2005: 257-259].

Губные грамоты – это грамоты, которыми устанавливались губные учреждения. Они появились в 30-х гг. XVI в. и действовали до конца XVII в. (несмотря на установленный общий уголовный закон – Уставную книгу разбойного приказа). Губные грамоты давались по просьбе самого населения, не были пожалованием, возлагали на население обязанность ловить и карать разбойников. В отличие от уставных грамот, они были обращены ко всему населению. Содержание губных грамот включало в себя учредительную часть (определялись состав и обязанности губных властей) и нормы материального уголовного права. Общие черты их содержания составили потом общий уголовный закон.

Уставные земские грамоты определяли местное земское самоуправление; они появились с 1552 г. и просуществовали до второй четверти XVII в. (например, Важская грамота 1552 г. и Двинская 1556 г.). Земские грамоты поглощали в себе и адаптировали содержание уставных наместничьих и губных грамот, касаясь финансового, полицейского, уголовного, гражданского права с точки зрения компетенции земских учреждений. Все три рода уставных грамот имели специальный учредительный характер. Вне этих грамот действовали нормы обычного права до появления параллельно общего кодекса в форме Судебников [Владимирский-Буданов 2005: 260, 266-268].

В процессуальном праве в XV–XVII вв. образуется различие между «судом» (обвинительно-состязательным процессом) и «розыском» (следственным процессом). Границы между ними не совпадали с границами уголовного и гражданского судопроизводства по современному праву: гражданские решались розыском; а дела уголовные, совершаемые неведомыми лихими людьми, судились обвинительным процессом («бой и грабеж»).

В рамках обвинительно-состязательной формы судебного процесса взаимные отношения сторон до суда (вызов) определялись договором, в заключение которого активно вмешивалась власть (см. ст. 49 Судебника 1497 г.; ст. 17 Судебника 1550 г.; ст. 13 гл. XVII Уложения 1649 г.)¹. Отношения устанавливались посредством «челобитной», «приставной памяти» и «срочной» грамот: первая определяла границы спорного права, вторая – к какому судье идти; третья определяла срок явки (который также уже зависит не от договора сторон, а от усмотрения судьи) [Владимирский-Буданов 2005: 732-734]. *Челобитные* (от «бить челом») – в

¹ *Хрестоматия по истории государства и права России*: учебное пособие (сост. Ю.П. Титов). М.: ТК «Велби», Проспект. 2005. С. 39, 108-109.

делопроизводстве России периода Московского государства просьбы, жалобы, доносы («изветы»). Подавались и адресовались отдельными лицами и коллективами дворян, посадских людей, крестьян и т.д. в центральные и местные государственные учреждения, на имя царя, помещикам и вотчинникам, церковным иерархам и т.д. *Приставными* назывались те грамоты, которые выдавались судом недельщикам или приставам для вызова в суд сторон. По Судебнику приставная подписывалась дьяком и выдавалась иногда одна по нескольким делам, если вызываемые жили в одном городе. *Срочными* назывались те судебные бумаги, которые выдавались тяжущимся для явки в назначенный срок на суд. По Судебнику они делились на два вида: срочные простые и срочные отписные. *Простыми срочными* назывались грамоты, в которых назначался первый срок для явки в суд, а *отписными* — в которых по просьбе тяжущихся им назначалась отсрочка для явки в суд. По Судебнику те и другие срочные выдавались дьяком за его подписью и с взятием определенной пошрины. Стороны могли отложить срок суда на определенное время; для этого им выдавалась срочная память. По Судебнику дозволялось три срока для явки в суд, только с тем условием, чтобы требующие срока вносили за это определенную плату. Кроме того, сторонам дозволялось вместо себя присылать в суд поверенных [Беляев 2011: 648-651].

Договор скреплялся поручительством; на поруки можно отдать насильно по распоряжению власти (ст. 117, 140, 229 гл. X Уложения 1649 г.)¹. Необходимыми поручителями были соседи и родственники (которые составляли между собой круговую поруку), что, впрочем, исчезло в эпоху Уложения. Целью поруки первоначально было не только представление ответчика к суду, но и обеспечение иска в случае его неявки; но в Уложении осталась только одна первая цель [Владимирский-Буданов 2005: 732-734].

По Судебнику 1497 г. вызов в суд производился следующим порядком: во-первых, истец подавал в суд челобитную, в которой прописывал, в чем стоит его иск, и просил выдать приставную память для вызова в суд ответчика. Такая челобитная принималась дьяком, который вместе с недельщиком рассматривал, стоит ли иск тех издержек, которые потребуются для вызова в суд ответчика. Для определения этой стоимости недельщик имел таксу, сколько потребуются издержек для вызова в суд ответчика из того или другого места. Если оказывалось, что предъявленный иск стоит издержек по вызову, то дьяк подписывал приставную грамоту, за что получал определенную пошрину и отдавал ее недельщику; а если иск оказывался не стоящим издержек, то приставная не выдавалась, и суд отвергал этот иск. Во-вторых, по получении приставной грамоты недельщик или сам отправлялся за ответчиком, или посылал за ним своего помощника. Приехав в город или волость, прописанные в приставной, недельщик или его помощник должны были представить приставную наместнику или волостелю, а те — передать ее местному доводчику, который и приводил недельщика к ответчику. Ответчик по прочтении приставной должен был дать недельщику поручную запись, что он явится на суд в срок. Если же он не мог дать поручной записи, то недельщик арестовывал его и держал у себя до времени производства суда [Беляев 2011: 648-651].

Царский Судебник 1550 г. запретил недельщикам и приставам посылать за ответчиком своих родственников или знакомых и обязал каждого недельщика образовать особую общину ездовых, которые были обязаны ездить за него, когда он не может, и которые были бы записаны в особой книге у дьяка вслед за недельщиками. Поэтому каждый недельщик при наступлении его очередной недели должен был вместе со своими ездовыми являться к дьяку, который, осмо-

¹ Там же. С. 65, 69-70, 83.

трев их, записывал вместе с недельщиком в книгу. Такой порядок узаконили с той целью, чтобы недельщики не могли отказаться в случае каких-либо исков за притеснения при вызове ответчика. Приставная грамота на наместника, волостеля, тиуна и доводчика получалась недельщиком не от боярина или дьяка, а от Боярской думы, и притом срок для явки в суд им назначался «когда они съедут с жалованья», т.е. по окончании их службы [Беляев 2011: 659, 662-664].

Вызов в суд по Уложению оставлен почти в том же виде, как и ранее: требовалось, чтобы в приставных грамотах писалась цена иска; остались и три срока для явки в суд, но предписано начало срока считать не с выдачи приставной, а с момента взятия приставом поручной записи. Вызывателями в суд или приставами по-прежнему являлись недельщики, но о ездоках при них уже не упоминалось [Беляев 2011: 816-819].

Договорные отношения сторон постепенно отстранялись государством: так, вызов через приставную память уступил в эпоху Уложения место вызову через зазывную грамоту (ст. 100, 117, 137 гл. X Уложения 1649 г.¹); первая сохранилась только для Москвы и ее окрестностей. Различие последствий вызова через приставную память и зазывную грамоту состояло в том, что неявившийся к суду по вызову через приставную память тотчас обвинялся без суда; напротив, к неявившемуся по вызову через зазывную, но давшему по себе поруку посылались вторая и третья зазывные грамоты, и лишь после этого неявившийся был обвиняем без суда; если же ответчик не давался в поруку, то воевода брал его насильно. Лица, на которых возлагалась власть вызова, именовались недельщиками и ездоками в Москве и доводчиками в провинциях (ст. 28-36 Судебника 1497 г.; ст. 44-50, 53, 54 Судебника 1550 г., ст. 118, 185 гл. X Уложения 1649 г.²) [Владимирский-Буданов 2005: 732-734; Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 162-192].

На самом суде стороны подавали ставочные челобитные: явившиеся не должны были съезжать с места производства суда под угрозой негативных последствий [Владимирский-Буданов 2005: 732-734]. По Уложению, как и по Судебнику 1550 г., на суде требовалось судоговорение сторон, речи записывались начерно подьячими, и подьячие свои черновые списки закрепляли рукоприкладством истца и ответчика; потом тот же подьячий переписывал судный список набело, а дьяк, сравнив белой судный список с черновыми, подписывал его; по окончании судного дела черновая записка суда, утвержденная рукоприкладством истца и ответчика, подклеивалась под дело на случай нового спора [Владимирский-Буданов 2005: 732-734].

В розыске отношении сторон до суда уже не договорное: вместо приставных практиковались записи (ст. 75 Судебника 1550 г.), *зазывные грамоты* — приказ арестовать и привести обвиняемого и *погонные грамоты* — приказ местным властям и соседям поймать обвиняемого. Одним из характерных отличий было широкое развитие поручительства взамен ареста; обыкновенно поручителями были родственники и члены той же общины (ст. 34-36 Судебника 1497 г., ст. 53, 54, 70 Судебника 1550 г.³) [Владимирский-Буданов 2005: 737].

При проведении «повального обыска» как вида доказательства в розыске по наказной памяти обыскные люди собирались в город и подавали голоса лично. До 1588 г. обыскных людей высылали в Москву для проверки обыска. Число обыскных людей было неопределенно: Судебник назначал 10-15 детей боярских или 15-20 крестьян; Уставные грамоты — от 50 до 100 человек. В период

¹ Там же. С. 62, 65, 69.

² Там же. С. 36-37, 65, 77.

³ Там же. С. 19.

Указных книг и Уложения различаются большой и малый повальный обыск. При обыске не должны быть ни стороны, ни их поверенные. Бланки при обыске («порозжие столбцы») были запрещены в 1691 г. Обыскной список отсылался судье. Показания большинства решали дело, но единогласие тем не менее требовалось (ст. 161 гл. X, ст. 42 гл. XXI Уложения 1649 г.¹) [Владимирский-Буданов 2005: 737-738].

По Судебникам 1497 г. и 1550 г., Уложению 1649 г. судебное решение облекалось в форму *правой грамоты* [Владимирский-Буданов 2005: 736]. Так называлась копия с окончательного решения суда, по которому одна сторона признавалась оправданной, а другая – виноватой. Правая грамота состояла собственноручно из трех частей: в первой части прописывался весь ход судебного дела и все судебные доказательства, представленные в суде, – грамоты, акты, показания свидетелей; во второй заключался судебный приговор; в третьей – исполнение судебного решения. В исках о владении она выдавалась как документ на право владения и в случае вторичных споров представлялась на суд как доказательство. К правой грамоте прикладывалась печать великого князя, боярина или наместника – в зависимости от того, чьим судом решалось дело; она подписывалась дьяком, бывшим на суде, а писалась подьячим. В правой грамоте прописывались также имена судей от правительства и от общества, участвовавших в суде [Беляев 2011: 648-651].

Докладные списки по форме были одинаковыми с правыми грамотами, но в них не прописывалось исполнение судебного решения, а только ход судебного дела и судебный приговор; они выдавались собственноручно для приведения решения суда в исполнение. К докладному списку прикладывалась печать судьи, решавшего дело, и он утверждался подписью дьяка, бывшего на суде.

Судными списками назывались бумаги, в которых прописывалось судебное дело в том порядке, в каком оно производилось, с допросами, показаниями сторон и их свидетелей. Это была записка, представляемая судье, по которой он и решал дело. Судный список обыкновенно прописывался в начале докладных и правых грамот.

Бессудные грамоты были одинаковыми с правыми грамотами и докладными списками, имели ту же силу, но выдавались они только одной стороне по истечении 7 дней, на 8-й день после срока, и тогда, когда не было суда вследствие неявки одной из сторон; грамоты выдавались дьяками без доклада судье, когда дьяк, рассмотрев срочные грамоты, представленные явившейся стороной, и прождав другую сторону, выдавал бессудную грамоту за своей подписью и за печатью судьи (ст. 108, 109 гл. X Уложения 1649 г.)². Все судебные издержки и пошлины оплачивал признанный виновным, хотя первоначально, например для вызова ответчика, платил истец [Беляев 2011: 648-651]. Последствием неявки в срок для ответчика была выдача бессудной грамоты, т.е. утверждение права за истцом, как если бы суд состоялся; неявка истца вела к прекращению иска [Владимирский-Буданов 2005: 732-734]. Уложение окончательно отменило введенные Судебником 1497 г. бессудные грамоты и даже приказало отобрать те грамоты, которые были выданы в прежнее время, вместо чего предписано неявившегося на третий срок обвинять судом [Беляев 2011: 816-819].

Холопы правые грамоты и *отпускные* выдавались холопам, которые по суду признавались свободными. Грамоты эти по Судебнику утверждались печатью судьи и подписью дьяка, выдавать их могли наместники, которые имели право боярского суда, или бояре в Москве, которые заведовали холопьем

¹ Там же. С. 73-74, 127.

² Там же. С. 63.

судом. Отпускные по Судебнику признавались действительными только в том случае, если были написаны рукой господина, отпускавшего холопа [Беляев 2011: 659].

В розыске при исполнении приговора возможны были *нерешительные приговоры* при противоречии доказательств, при отсутствии собственного признания; если нет собственного признания, но обыск «лиховал» обвиняемого, то он вместо казни заключался в тюрьму пожизненно; если же на обыске «одобряют», то обвиняемый давался на чистую поруку с записью [Кутафин, Лебедев, Семигин 2003: 160]. Приговоры по розыскным делам приводились в исполнение силами самого государства. В отношении уголовных дел право государства на наказание преступника постепенно утверждалось над правом частных истцов (потерпевших) на вознаграждение [Владимирский-Буданов 2005: 737-738].

Итак, отечественная государственная политика борьбы с преступностью в XV–XVII вв. регулировалась не только основными источниками права, но и специальными грамотами, которые дополняли и перерабатывали нормы права для регулирования развивающихся общественных отношений. Законодатель стремился защитить имущие категории населения от преступных элементов посредством правоустанавливающих и правоприменительных грамот.

Список литературы

Беляев И.Д. 2011. *Лекции по истории русского законодательства* (предисл. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов). М.: Институт русской цивилизации. 896 с.

Владимирский-Буданов М.Ф. 2005. *Обзор истории русского права*. М.: ИД «Территория будущего». 800 с.

Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. 2003. *Судебная власть в России. История. Документы*. В 6 томах. Т. 1. *Начала формирования судебной власти*. М.: Мысль. 701 с.

VOSTRIKOV Pavel Petrovich, Cand.Sci. (Legal), Associate Professor; Head of the Chair of State and Law and Comparative Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; pavel_vpp@mail.ru)

KOROLEV Boris Ivanovich, Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor of the Chair of Theory and History of Law, State and Judiciary, Volga branch of Russian State University of Justice (17a Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; korolev-boris@yandex.ru)

THE ROLE OF JUDICIAL LITERACY IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PUBLIC POLICY AGAINST CRIME IN 15TH – 17TH CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the historical experience of the procedural execution of court decisions, aimed at combating crime. An increased power of the monarch, the complexity of social relations, and enslavement of peasants led to an increase in crime. Court proceedings and their documentary processing have acquired particular importance. This contributed to the emergence of a variety of law-establishing and law-enforcement documents. Through legal proceedings, state bodies defended the interests of the propertied categories of the population. The article discusses the process of documenting court decisions in the struggle of the authorities with crime. The authors show peculiarities of drawing up of judicial certificates within the framework of two forms of legal process; describe the legal basis of a variety of substantive and procedural rights for different legal entities by judicial charters. This issue has not lost its relevance today. The article is of interest to historians of law, lawyers, teachers and students.

Keywords: court, search, judicial charter, appearance time, judgment, trial evidence